

УДК 159.9

ПОНИМАНИЕ КАК ПСИХОЛОГИЯ ВОЗМОЖНОГО¹

В.В. Знаков^а

^а Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, 129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

Рассмотрено соотношение действительного и возможного в исследованиях понимания. Выделено четыре способа научного анализа, применяя которые психологи должны рассматривать соотношение действительного и возможного при исследовании понимания. Психология понимания описывается как такая интерпретация действительного, которая включает в себя прогнозирование возможного. Рассматривается фундаментальная проблема барьеров, фильтров: все ли потенциально возможное и понимаемое является социально и морально допустимым? Для ее решения необходимо провести исследования в нескольких направлениях: во-первых, проанализировать должное, с которым всегда соотносится понимаемое, как социальные и моральные критерии принятия или отвержения возможных альтернатив; во-вторых, ответить на вопрос о том, как и в какой степени для понимания необходимо осознавать альтернативы понимаемого; в-третьих, уяснить, всегда ли понимающий субъект осуществляет выбор из осознаваемых альтернатив.

Ключевые слова: понимание; прогнозирование; действительное; возможное.

Современная психология понимания является одной из динамично развивающихся областей психологической науки, в которой многое уже сделано. Описаны теоретические основы психологии понимания многомерного мира. Обосновано, что мир человека состоит из трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Теоретические основания психологии понимания представлены как сочетание единого и разнообразного: проанализированы сходные признаки понимания фактов, событий, ситуаций в каждой реальности и их различие, психологическое своеобразие. Трем реальностям сопоставлены традиции психологических исследований, способы, основания и типы понимания. Проанализированы традиции исследования психики – когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная. Описаны контексты, в которых реализуются современные психологические исследования, проводимые последователями этих научных традиций. Выявлены три типа понимания проблем, методов и результатов, соответствующие названным подходам к научному анализу психики, – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Обосновано, что им соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях [1].

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00032.

Во всех реальностях человеческого бытия понимание представляет собой интерпретацию альтернатив, которые понимающий субъект обнаруживает в объекте понимания, в действительности. Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации – это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. Другими словами, чем больше альтернатив понимаемого выявляет субъект, тем полнее он понимает то, что пытается осмыслить. Если рассмотреть проблему альтернатив более обобщенно, то становится очевидным, что в мыслительной деятельности альтернативные точки зрения помогают познающему субъекту разумно действовать в ситуациях с отношениями противоположностей и «за счет этого предлагать творческие решения проблемно-противоречивых ситуаций. Смена альтернативы – это одно из умственных действий диалектического мышления, позволяющее обнаружить в ситуации новые структурные особенности при помещении ее в новый контекст, благодаря ему происходит переход от одной пары взаимоисключающих свойств, которые характеризуют объект, к другой такой паре [2. С. 336].

В эмпирической реальности осознанный выбор альтернатив невелик и сводится к дихотомии «да–нет». Вместе с тем не следует забывать о потенциальных возможностях понимаемой эмпирии: например, с психологической и физической точек зрения ответ на простой вопрос: «Снег белый или черный?» – явно неоднозначен. В социокультурной реальности действительное представлено широким спектром мнений, к одному из которых присоединяется понимающий субъект. В экзистенциальной реальности понимание основано на экзистенциальном опыте и постижении, и значит многие альтернативы изначально скрыты, неосознаваемы понимающим. Следовательно, действительность для познающего мир субъекта никогда не бывает единственной, однозначно понимаемой, потому что он предвосхищает, прогнозирует, а иногда и просто догадывается о существовании возможного, на основании которого можно расширить представления о понимаемом действительном.

Можно выделить по меньшей мере четыре неодинаковые по степени обобщенности способа научного анализа, применяя которые психологи должны рассматривать соотношение действительного и возможного при исследовании понимания.

Первый, самый общий, философский аспект анализа проблемы соотношения действительного и возможного.

Второй – общенаучный контекст, согласно которому действительное всегда включает в себя потенциально возможное. Этот способ анализа с начала XX в. применяется в естественнонаучной и гуманитарной методологии для обоснования перехода от классической к неклассической и постнеклассической науке.

Третий фокус научного исследования – это *анализ соотношения действительного и возможного* в развитии общественных формаций и соци-

альных наук, их значимости, «удельного веса» в «обществе потребления» [3], «обществе знания» [4] и «обществе переживания» [5].

Наконец, *четвертый* способ размышлений – *поиск* имеющихся в психологической литературе *предпосылок создания психологии возможного*. Такой угол рассмотрения действительного и возможного позволяет обосновать допустимость выделения новой области психологической науки с помощью конкретно-психологических данных о возможных Я, об альтернативной идентичности в Интернете и др.

Цель статьи – проанализировать соотношение действительного и возможного в исследованиях психологии понимания.

Философия возможного

В философии, особенно русской, «действительность» есть такое понятие, которое мыслимо лишь в соотносительной связи с «возможностью». Глубокий философский анализ соотношения действительного и возможного представлен в публикациях М.Н. Эпштейна [6–8]. Согласно его точке зрения, «возможное – это не просто несуществующее, это особая модальность, которая глубоко воздействует на все сущее, задавая и преобразуя его смысл. Собственно, культура – это и есть область *мыслимостей, воображаемостей*. Смысл любого явления задается его потенциосферой – сферой множественных инаковостей. Например, смысл Октябрьской революции определяется лишь в контексте тех альтернативных путей, которыми могла бы пойти российская история осенью 1917 г.» [8. С. 439]. Любой исторический факт, в частности из истории психологии, обретает научный смысл только в том случае, если он включает не только то, что было, но и современные точки зрения на то, что могло бы быть: «Отсюда взгляд на саму историю как на процесс накопления возможностей: каждая последующая эпоха вбирает в свой смысловой состав возможности предыдущих» [7. С. 115]. Как и в психологии понимания многомерного мира человека, «важнейшая проблема теории возможного – это “возможные миры” и их соотношение с действительным миром... “Возможный мир” – совокупность возможностей [или возможных существований], которые могут непротиворечиво образовать одно целое, т.е. не исключают возможности друг друга» [6. С. 30].

Естественнонаучная перспектива исследований

В начале XX в. невозможность понимания многомерного мира человека только одним, единственным способом стала очевидной благодаря возникновению квантовой физики и последующему развитию методологии всех наук. Согласно многомировой интерпретации квантовой механики Х. Эверетта, квантовый мир «может быть адекватно представлен как набор многих классических миров, параллельных миров. Эти классические миры – фактически различные “проекции” единственного объективно существу-

ющего квантового мира. Они отличаются друг от друга некоторыми деталями, но все они – образы одного и того же квантового мира. Эти параллельные классические миры сосуществуют, и мы все (и каждый из нас) параллельно живем во всех этих мирах» [9. С. 26–27].

В этом общенаучном контексте очень важны современные дискуссии о переосмыслении содержания эмпирической реальности в квантовой физике [9–11], биологии [12] и других областях естествознания. Один из самых научно значимых результатов дискуссий заключается в том, что «все большее значение приобретает модальное, возможностное мышление, которое противостоит анти-реализму и выводит на арену “сверхреализм”, требующий реализации в актуальность всего того, что мыслится как возможное. В итоге знаменитое декартово высказывание о существовании принимает следующий вид: “Существовать – значит мыслить возможное” (*Esse ergo cogitare possibile*)» [10. С. 36]. Это означает, что модальное возможностное мышление направлено на действительность, открываемую познающим мир субъектом в виде многообразия возможностей.

Действительное и возможное в социальном познании

Научные представления о трех реальностях человеческого бытия, составляющих многомерный мир человека, постепенно расширяются и углубляются. В течение последнего столетия они трансформировались из описаний индустриального «общества потребления» [3] в теоретический анализ постиндустриального «общества знания» [4], а затем в выявление признаков «общества переживания» [5]. Глубинным основанием возникновения «общества переживания» является трансформация мира человека, основанная на изменениях ценностей и мотивов: главным для людей становится такой проект прекрасной жизни, в котором преобладают субъективные ценности, внутренние ориентиры, направленные на переживание желаемого. В исследованиях, проводимых под углом зрения «общества переживания», показано, что во многих областях человеческого бытия наблюдается снижение удельного веса категории «истина». Значительная часть современного мира, преимущественно в «обществе переживания», трансформируется в направлении обесценивания истины и признания важности мнений, целевых и ценностных аспектов коммуникации. Трансформация означает не отрицание предыдущих стадий развития общества, а их изменение, совместное существование старого и нового. Это положение принципиально для исследований в области психологии понимания. В психике современных людей три общественных формации сознательно или неосознанно соотносятся с тремя реальностями: понимание сущности каждой из них основано преимущественно либо на знании и значении, либо на мнении и смысле, либо на переживании и опыте [1].

С точки зрения социальных исследований, пожалуй, наиболее значимым открытием является обоснование появления альтернативной эпистемологии [13]. Она не только не соответствует стандартам документальных

подтверждений, необходимости поиска фактов и опровержения дезинформации, но и применяется для анализа иной, альтернативной реальности. Дезинформация – дефект, изъян нашего информационного ландшафта, но «постправда – это проблема не пятна на зеркале. Проблема заключается в том, что зеркало – это окно в альтернативную реальность» [13]. Такая реальность состоит из сведений неистинных, но тем не менее присутствующих в сознании и влияющих на поведение тысяч людей. В этой альтернативной реальности бывший президент Обама родился в Кении, изменение климата – это мистификация, созданная китайцами или климатологами, НАСА управляет колонией детей-рабов на Марсе. «Опросы общественного мнения подтвердили, что элементы этой альтернативной эпистемологии принадлежат значительной части американской общественности. Например, опрос 2011 г. показал, что 51% первичных избирателей-республиканцев думали, что тогдашний президент Обама родился за границей. Аналогично 20% респондентов в репрезентативной выборке США были согласны с утверждением, что изменение климата является мистификацией продажных ученых» [Ibid. P. 357].

В современном «обществе переживания» постистина и постправда стали нормой [14]. Еще полвека назад необходимость истинности суждений как их соответствия фактам признавалась практически во всех сферах человеческой жизни. Сегодня во многих из них на смену истине пришли мнения, коммуникативные цели и ценности (содержание мнений фанатов футбольных команд фактически никогда не зависит от количества побед в чемпионате, они все равно утверждают, что их команда лучше соперников). Правдивость того, что сказал субъект, вторична, первичны понимание и согласие с ним адресатов коммуникации. Важным условием возникновения постправды является отсутствие социальной и моральной ответственности за распространение ложных сведений: «Постправда – это некий контекст, модальность, ситуация, которые делают возможным распространение ложных новостей, причем не предполагающих за это ответных санкций. В таком модальном (релятивистском) контексте не имеет значения, правдива ли новость или нет. Важно, чтобы она соответствовала двум условиям: эмоциональному настрою потребителя информации и политическим целям коммуникатора. То есть неважно, произошло событие или нет – ведь оно могло бы произойти» [15. С. 46].

Действительное и возможное уравниваются в правах: раз событие *могло* произойти, то, во-первых, его общественная значимость не меньше того, которое бесспорно произошло. Во-вторых, нет никаких социальных и моральных противопоказаний к тому, чтобы делать «правдивые» заявления о реальности такого события. К примеру, 24 марта минует США обнародовал основные выводы финального доклада по «российскому делу» спецпрокурора Р. Мюллера, который в ходе расследования так и не нашел сговора Д. Трампа с Россией в процессе предвыборной кампании. Генпрокурор У. Барр также заявил об отсутствии какой-либо вины американского лидера. Теперь «многолетний сотрудник журнала Rolling Stone Мэтт Тайбби

упрекает медиа в том, что они объявили Трампа “русским шпионом” еще до того, как нечто подобное было кем-либо доказано». Он приводит множество публикаций в самых крупных американских изданиях, где такие утверждения подавались как установленный факт. Тем самым, считает Тайбби, журналисты подорвали доверие к своей профессии [16]. С последним утверждением можно и не согласиться, потому что в «обществе переживания» существуют объективные социальные и психологические предпосылки для распространения постистины и постправды [14]. Вследствие этого фейковые новости осуждаются только на словах, а на деле приносят политический капитал их создателям.

Таким образом, независимо от социальных или моральных оценок надо признать, что в мире человека есть предпочитаемые и отвергаемые альтернативные возможности. Если использовать метафору, то можно сказать, что многие люди плавают в море возможного, даже не думая о том, чтобы найти островок истины. И бесполезно возмущаться и осуждать их, потому что в «обществе переживания» появилось немало сфер человеческой жизни, психологические и социальные основания которых строятся на сознательном отказе от истинных утверждений. Одной из них, приобретающей все больший политический и социальный вес, является субкультура пранкерства. Пранкеры, представляясь чужими именами, вели телефонные разговоры с президентом Украины, американскими конгрессменами, российскими политиками и другими политическими и медийными персонами. Сегодня, когда моральный плюрализм стал таким распространенным, у пранкеров берут интервью, спрашивают, *как* они это делают (дозваниваются до президентов, генсека НАТО и т.п.), но практически никто не осуждает их за то, *что* они делают (какая мотивация у них преобладает, хотят ли они манипулировать общественным мнением, преследуют ли цели создания стереотипов, испытывают ли угрызения совести за то, что представляются другими людьми, и т.п.). СМИ чаще всего подчеркивают социальную допустимость и творческий характер деятельности пранкеров, а пранк-журналистика описывается как одна из новых форм политической коммуникации и получения общественно важной информации.

Истоки психологии возможного в психологической науке

Психологи также внесли существенный вклад в развитие методологии научного познания, в основании которой лежат анализ соотношения действительного и возможного и многомировая интерпретация действительности [17]. Например, С.Д. Смирнов разрабатывает модель образа многозначного мира как системы разноуровневых гипотез, непрерывной их генерации. Он пишет: «Итак, если под образом мира иметь в виду многоуровневую систему познавательных гипотез, которые непрерывно генерируются навстречу внешнему миру, то можно сказать, что в основе этих гипотез лежит прогноз того, каким, по мнению человека, в данный момент является мир и в каком направлении он изменится в близком или более далеком

будущем. Фактически мы имеем дело с прогностической моделью мира, и степень определенности или неопределенности этого прогноза прямо сказывается на адекватности образа мира и его способности ориентировать наше поведение, нашу деятельность» [18. С. 220]. Обобщая, можно сказать, что процессы антиципации, предвосхищения являются неотъемлемым свойством психики, присутствуют уже на самых первых этапах ее развития. Аргументированное доказательство этого тезиса представлено в работе Е.А. Сергиенко [19].

В контексте этой статьи принципиально важным является указание на различие между предвосхищением и прогнозированием, тщательно исследованное А.В. Брушлинским. Значимость этой темы определяется, во-первых, включенностью понимания в мышление субъекта и, во-вторых, необходимостью анализа соотношения осознаваемых и неосознаваемых альтернатив, которые или уже рассматриваются понимающим субъектом, или потенциально возможны при интерпретации понимаемого. Предвосхищение возможно тогда, когда можно предвосхитить результат, осознать альтернативу понимаемого: будет ли гореть зажженная свеча, если ее опустить бочку, наполненную водой? А.В. Брушлинский приводит такой пример: «На основе соответствующей теории астроном производит необходимые вычисления и в результате предсказывает время и место затмения. Здесь прогноз выступает в четко фиксированном виде и может быть эмпирически проверен простым восприятием предвосхищаемого события (затмения), когда последнее произойдет» [20. С. 103].

В отличие от этого в мыслительной деятельности в качестве неизвестного прогнозируемого искомого выступают не только характеристики решаемой задачи, но и свойства психического процесса, с помощью которого осуществляется ее решение. В любой мыслительной деятельности «в качестве “желаемого” выступает прежде всего прогнозируемое искомое (будущее решение), которое в течение длительного периода времени остается в значительной степени неизвестным и потому не столь определенным, как в случае предвидения. Такая “неизвестность” искомого означает, что даже в ходе его постепенного и (или) скачкообразного прогнозирования оно до последней стадии мыслительного процесса не может быть найдено и зафиксировано с предельной отчетливостью» [Там же. С. 106]. Другими словами, неизвестность искомого означает, что пока оно не стало действительным, а является потенциальным, т.е. возможным.

В семантическое поле «возможного» входит не только будущее, то, что прогнозируется, но и ретроспективное прошлое. Н.Е. Харламенкова, опираясь на идеи Е.П. Никитина, анализирует ретросказание как общую стратегию обращения к прошлому. Ретросказание представляет собой процесс восстановления прошлого по неполным данным: «Ретроспективная активность основана на принципе обратимости и предполагает возвращение к истокам, которое совершается с определенной целью. Цель эта состоит в “пересмотре” своего опыта, в стремлении обнаружить в нем дополнительные возможности, либо, наоборот, в желании оправдать свои неудачи

ссылками на негативные переживания. Из этого следует, что ретросказание может проявляться в виде разных психологических механизмов и не обязательно характеризует активность человека только как субъекта жизненного пути. В несубъектных формах активности преобладают эмоциональные механизмы, интуитивные переживания и озарения, которые тем не менее могут явиться основой ретросказания, построенного на когнитивной переоценке прошлого» [21. С. 284–285].

В психологии понимания возможности наиболее явно представлены в форме альтернативных интерпретаций понимаемого, основанных на разных мнениях. «Любое мнение может возникнуть только путем творения, которое представляет собою такой переход от возможности к действительности, где действительное есть нечто совершенно новое по отношению к возможному [22. С. 16]. Таким актом творения следует считать понимание субъектом того, что действительное всегда если не актуально, то потенциально включает в себя возможное. В процессе понимания действительное существенно обогащается за счет либо осознания понимающим субъектом возможного, либо не осознания, а переживания его на уровне экзистенциального опыта.

Одной из основополагающих работ, в которой категория возможного была включена в научный арсенал психологии личности, стала статья Х. Маркус и П. Нуриус [23]. В ней возможное используется для объяснения влияния на образ Я потенциальных представлений о себе. Возможное Я анализируется как направленный в будущее (ожидания, надежды, цели) и в прошлое (страхи, осознание совершенных ошибок) компонент Я-концепции. В статье обсуждаются возможные Я, которыми человек хотел бы стать, и те, которых он избегает, а также Я, которые никогда не станут реальностью. М.Г. Эриксон приводит пример нереализуемого возможного: «Я могу иметь сильное желание владеть эксклюзивным спортивным автомобилем, формирующим возможное “я за рулем моего собственного Aston Martin”, ни одного мгновенья не ожидая, что это сбудется» [24. Р. 351]. Психологи не сводят возможные Я только к когнитивным механизмам (осознанию целей или оценке результатов возможного прошлого и будущего). Конструкт возможного Я включает переживание потенциальной ситуации изнутри. Он направлен на оценку возможностей действия, развития личности, личностных ресурсов саморегуляции и совладания с трудностями.

Признавая безусловную продуктивность направленности на анализ возможного как компонента психических образований, тем не менее не следует забывать, что между психологиями понимания и личности есть существенное различие, относящееся к степени включенности обсуждаемого феномена и личностных свойств человека в его поведение: далеко не всегда понимание должно приводить к поступкам, в то время как личность не может формироваться вне поведения и деятельности. Обсуждая проблемы понимания как сферы возможного, это обстоятельство нельзя упускать из виду. По мнению М.Г. Эриксона, в возможные Я личности не входят такие представления о будущем, которые безразличны субъекту, не по-

буждают его к изменениям, и по этой причине их нельзя считать возможными Я [24]. С пониманием, поскольку оно не является психологией поведения, дело обстоит иначе: для полноты понимания события или ситуации человек должен учитывать все варианты их возможного развития, в том числе нейтральные и неблагоприятные для него.

В российской психологической науке, опираясь на идеи Х. Маркус о возможных Я и «философии возможного» М.Н. Эпштейна, термин «психология возможного» впервые использовал Д.А. Леонтьев [25]. Ссылаясь на Х. Маркус и П. Нуриус, он пишет: «По сути, за разными возможностями, из которых человек выбирает, стоят разные возможные Я; личностный выбор – это всегда выбор одного из возможных вариантов себя [Там же. С. 14]. Развивая мысль М.Н. Эпштейна на материале психологии личности, он отмечает, что существует целый ряд психологических феноменов, относящихся к области возможного, но не порождаемых причинно-следственными закономерностями. Такие феномены не необходимы, но и не случайны, они недетерминированные, возможные. По Леонтьеву, обнаружение того, что в человеческом бытии наряду с необходимым существует сфера возможного, вводит в жизнь человека измерение самодетерминации и автономии. Автономия и самодетерминация необходимы для ориентации поведения в пространстве возможного, «потому что превращение возможности в действительность происходит только через недетерминированный (точнее, самодетерминированный) выбор и решение субъекта» [Там же. С. 12]. В целом усилия Д.А. Леонтьева по развитию антропологической модели, уже включающей контуры психологии возможного, безусловно, следует признать весьма продуктивными и интересными.

Еще одной современной областью психологических исследований, в которой нельзя обойтись без категории возможного, являются социальная перцепция и альтернативная идентичность в социальных сетях. Занимаясь психологией Интернета, А.Е. Войскунский отмечает, что представленные в социальных сетях «виртуальные» идентичности нередко отличаются от сформировавшихся в повседневной жизни «реальных» идентичностей. По его мнению, когда пользователь социальных сетей конструирует более одной идентичности, их следует называть альтернативными. Регистрируясь в социальных сетях, разумный человек понимает, что он вступает на поле, в котором наряду с действительным практически всегда присутствует возможное: «При этом никогда нет уверенности в том, что лично не знакомый (в непосредственном общении) пользователь есть тот, за кого себя выдает: презентация может оказаться намеренно ошибочной или ернической, фотоматериалы могут вообще не относиться к автору презентации, биографические данные могут не совпадать с реальной биографией пользователя либо совпадать лишь частично» [26. С. 98]. Разнообразные трансформации собственной идентичности, изменение, сокрытие, отрицание сведений о себе, конструирование сетевой идентичности, отличной от реальной (выбор другого имени, пола, биографии, профессии, представления чужих фотографий), могут отражать попытки субъекта «примерить» на себя новую,

альтернативную, возможную самопрезентацию. Вместе с тем не следует забывать, что «презентация не существующих в реальности (фальшивых) персон, по сути, является ложью, однако пользователи социальных сетей склонны считать такую ложь позволительной» [27. С. 67]. (Замечу, что подобное отношение к лжи типично для «общества переживания», существующего в эпоху постправды.) Разнообразные варианты расширения не устраивающего пользователя по каким-то причинам действительного за счет желаемого «примериваемого» на себя возможного вполне могут не иметь негативной моральной модальности, а отражать стремление человека к личностному росту.

Фундаментальная проблема психологических исследований понимания как психологии возможного

Понимание во всех реальностях – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной – связано с интерпретацией альтернативных вариантов понимаемого. При понимании-знании альтернативы ясно осознаются (кошка – млекопитающее животное или нет); при понимании-интерпретации осознанность содержательных компонентов мнений значительно ниже (аборт – это убийство живого существа или такое же безобидное удаление органических клеток, как стрижка ногтей или волос); при понимании-постижении полное осознание, влекущее вербальное объяснение, обычно невозможно (за что, за какие человеческие недостатки мусульманские террористы убивают «неверных»?).

В этом континууме сознательного–бессознательного следующий перспективный шаг в исследовании понимания как психологии возможного – решение проблемы барьеров, фильтров: все ли потенциально возможное и понимаемое является социально и морально допустимым? Применительно к пониманию как психологии возможного эта проблема фундаментальна, потому что барьерами, фильтрами оказываются представления понимающего субъекта о должном, приемлемом или недопустимом. А соотнесение понимаемого с должным – основополагающая характеристика любого понимания (вторая главная характеристика – выход за непосредственные границы содержания понимаемого и включение его в какой-либо более широкий контекст личностного знания) [1]. «Как убедительно показал М.Н. Эпштейн, должное является разновидностью возможного, а не формой необходимости. Любое долженствование предполагает возможность соблюдения нормы и возможность ее нарушения; выбор зависит от нашего ответственного решения, пусть даже соблюдение нормы поощряется, а нарушение наказывается» [25. С. 20].

Проблема моральных и социальных фильтров является для понимания как психологии возможного очень актуальной и даже острой. Ее научная значимость и фундаментальность состоят, во-первых, в обязательности поиска должного, с которым всегда соотносится понимаемое, необходимости определения социальных и моральных критериев принятия или отвер-

жения возможных альтернатив. Во-вторых, в открытии того, что понимание направлено не только на действительное, но и на возможное. В этом состоит расширение наших знаний о мире, которое неизбежно возникает во время творческого процесса понимания. В-третьих, важным с исследовательской точки зрения является вопрос о том, как и в какой степени для понимания необходимо осознавать альтернативы понимаемого. Наконец, в-четвертых, важен вопрос: осуществляет ли понимающий субъект выбор из осознаваемых альтернатив? Известно, что применительно к мыслительной деятельности, включающей в себя понимание условий задачи, целей, промежуточных результатов и т.п., А.В. Брушлинский уже аргументированно ответил на него отрицательно.

Испытуемые на разных стадиях мыслительного процесса последовательно выявляют и разрабатывают несколько способов решения задачи, но в любой конкретный момент времени субъект обдумывает только один путь достижения цели. Ученый пишет: «Впрочем, мои оппоненты выдвигают “в защиту” ситуации выбора еще один очень существенный аргумент: свобода (понимаемая ими лишь как свобода выбора) означает именно возможность и необходимость осуществить моральный выбор между добром и злом, нравственным и безнравственным. Но, на мой взгляд, даже в этом случае выбор далеко не всегда является неизбежным. Например, для честного человека не существует выбора: совершить или не совершить бесчестный поступок. Однако в жизни очень часто бывает нелегко понять, какой поступок в данной сложной ситуации будет хорошим и плохим. В этом случае особенно сильно активизируется мышление и вообще вся деятельность субъекта, и тогда мы снова возвращаемся к проблеме процессуальности мышления» [28. С. 555]. Очевидно, что, обсуждая понимание как возможное, психологи не могут не обращать внимания на недизъюнктивность психических процессов – внутренних условий анализа понимаемых альтернатив.

Литература

1. Знаков В.В. Психология понимания мира человека. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. 488 с.
2. Шиян О.А. Смена альтернативы как механизм понимания диалогических отношений в пространстве научных текстов // Филология и культура. Philology and Culture. 2013. № 3 (33). С. 333–338.
3. Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб. : Интерсоцис, 2008. 446 с.
4. Друкер П. Классические работы по менеджменту. М. : Альпина Паблишер, 2015. 220 с.
5. Schulze G. Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt / Main ; New York : Campus Verlag, 2005. 612 S.
6. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб. : Алетейя, 2001. 334 с.
7. Эпштейн М.Н. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
8. Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
9. Менский М.Б. Сознание и квантовая механика: жизнь в параллельных мирах (чудеса сознания – из квантовой реальности). М. ; Фрязино : Век 2, 2011. 320 с.

10. Карпенко А.С. В поисках реальности: исчезновение // *Философия науки*. 2015. Вып. 20. С. 36–72.
11. Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М., 2005. 688 с.
12. Зуев В.В. Представления о научной реальности и особенности перехода от классической науки к неклассической // *Философский журнал*. 2016. Т. 9, № 3. С. 25–40.
13. Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Cook J. Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the “Post-Truth” Era // *Journ. of Appl. Research in Memory and Cognition*. 2017. V. 6, is. 4. P. 353–369.
14. Знаков В.В. Теоретические основания понимания западной постправды и русского вранья // *Вопросы психологии*. 2019. № 1. С. 16–29.
15. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // *Polis. Political Studies*. 2017. № 2. P. 42–59.
16. Американским медиа предстоит большая работа над ошибками. URL: <https://meduza.io/slides/impichmenta-ne-budet-sanktsii-ne-otmenyat-tramp-povysil-shansy-na-pereizbranie-cto-oznachayut-rezultaty-rassledovaniya-myullera-dlya-amerikanskoj-politiki>
17. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли «объективная действительность»? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. Психология. 2013. Т. 2, № 2. С. 62–82.
18. Смирнов С.Д. Прогностическая активность как способ существования и развития образа мира // *Принцип развития в современной психологии* / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 215–234.
19. Сергиенко Е.А. Раннее когнитивное развитие. Новый взгляд. М. : Ин-т психологии РАН, 2006. 464 с.
20. Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ). М. : Мысль, 1979. 230 с.
21. Журавлев А.Л., Харламенкова Н.Е. Динамический подход к исследованию психики человека // *Институт человека: идея и реальность* / отв. ред. Г.Л. Белкина ; ред.-сост. М.И. Фролова. М. : ЛЕНАНД, 2018. С. 280–290.
22. Нехаев А.В. Мнение как познавательная форма: логико-семиотический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тюмень, 2009.
23. Markus H., Nurius P. Possible selves // *American Psychologist*. 1986. V. 41, № 9. P. 954–969.
24. Erikson M.G. The meaning of the future: Toward a more specific definition of possible selves // *Review of General Psychology*. 2007. V. 11, № 4. P. 348–358.
25. Леонтьев Д.А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // *Вопросы психологии*. 2011. № 1. С. 3–27.
26. Войскунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // *Вестник московского университета*. Сер. 14. Психология. 2014. № 2. С. 90–104.
27. Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // *Вестник Московского университета*. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 66–83.
28. Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М. : Ин-т психологии РАН, 2006. 623 с.

Поступила в редакцию 01.02.2019 г.; принята 13.04.2019 г.

Знаков Виктор Владимирович – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии Российской академии наук.
E-mail: znakov50@yandex.ru

For citation: Znakov, V.V. Understanding as Psychology of Possible. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 72: 6–20. doi: 10.17223/17267080/72/1. In Russian. English Summary

Understanding as Psychology of Possible

Viktor V. Znakov^a

^a *Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 13 build. 1, Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation*

Abstract

We have investigated the ratio of real and possible in the research. Four methods of scientific analysis have been identified, applying which psychologists should consider the relationship between the real and the possible in the study of understanding. The first method is a philosophical way of analyzing a problem. The second is the general scientific context, according to which the actual always includes the potential. This method of analysis from the beginning of the 20th century was used in natural science and humanitarian methodology to justify the transition from classical to non-classical and post-non-classical science. In the third method of scientific research, the emphasis is made on analyzing the correlation of the real and the possible in the development of social formations and social sciences, their significance, “specific weight” in the “consumer society”, “knowledge society” and “experiencing society”. Finally, the fourth mode of reflection is the search for the prerequisites for creating the psychology of the possible in the psychological literature. The aim of the method is to justify the admissibility of a new field of psychological science allocation with the help of specific psychological data about possible I, alternative identity on the Internet, the ratio of anticipation and forecasting in mental activity. We describe the psychology of understanding as an interpretation of the real that includes the prediction of the possible.

Keywords: understanding; forecasting; real; possible.

References

1. Znakov, V.V. (2016) *Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka* [Psychology of Understanding the Human World]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.
2. Shiyan, O.A. (2013) Shift of alternatives as a mechanism for understanding dialogic relations in scientific texts. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 3(33). pp. 333–338. (In Russian).
3. Ilyin, V.I. (2008) *Potreblenie kak diskurs* [Consumption as a discourse]. St. Petersburg: Intersotsis.
4. Drucker, P. (2015) *Klassicheskie raboty po menedzhmentu* [Classic Drucker]. Moscow: Al'pina Publisher.
5. Schulze, G. (2005) *Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart*. Frankfurt on Main; New York: Campus Verlag.
6. Epstein, M.N. (2001) *Filosofiya vozmozhnogo* [A Philosophy of the Possible]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Epstein, M.N. (2004) *Znak probela: o budushchem gumanitarnykh nauk* [The Space Sign: On the Future of the Humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Epstein, M.N. (2016) *Ot znaniya – k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir* [From Knowledge to Creativity. How Humanities can Change the World]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
9. Menskiy, M.B. (2011) *Soznanie i kvantovaya mekhanika: zhizn' v parallel'nykh mirakh (chudesa soznaniya – iz kvantovoy real'nosti)* [Consciousness and quantum mechanics: life in parallel worlds (the wonders of consciousness are from quantum reality)]. Moscow; Fryazino: Vek 2.

10. Karpenko, A.S. (2015) V poiskakh real'nosti: ischeznovenie [In search of reality: the disappearance]. *Filosofiya nauki – Philosophy of Science*. 20. pp. 36–72.
11. Penrose, R. (2005) *Teni razuma. V poiskakh nauki o soznanii* [Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness]. Moscow: Institut komp'yuternykh issledovaniy.
12. Zuev, V.V. (2016) The notion of scientific reality and the character of transition from classical to nonclassical science. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 9(3). pp. 25–40. (In Russian). DOI: 10.21146/2072-0726-2016-9-3-25-40
13. Lewandowsky, S., Ecker, U.K.H. & Cook, J. (2017) Beyond Misinformation: Understanding and Coping with the “Post-Truth” Era. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*. 6(4). pp. 353–369. DOI: 10.1016/j.jarmac.2017.07.008
14. Znakov, V.V. (2019) Teoreticheskie osnovaniya ponimaniya zapadnoy postpravdy i russkogo vran'ya [Theoretical foundations of the understanding of Western post-truth and Russian lies]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 16–29.
15. Chugrov, S.V. (2017) Post-Truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy? *Polis – Political Studies*. 2. pp. 42–59. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04
16. Meduza.io. (2019) *Amerikanskim media predstoit bol'shaya rabota nad oshibkami* [American media have a lot of work on the bugs]. [Online] Available from: <https://meduza.io/slides/impichmenta-ne-budet-sanktsii-ne-otmenyat-tramp-povysil-shansy-na-pereizbranie-cto-oznachayut-rezultaty-rassledovaniya-myllera-dlya-amerikanskoy-politiki>.
17. Petrenko, V.F. & Suprun, A.P. (2013) People in the subject and the mental world. Is there any objective reality»? Unfinished dispute Boron with Einstein. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya – The Bulletin of Irkutsk State University. Psychology*. 2(2). pp. 62–82. (In Russian).
18. Smirnov, S.D. (2016) Prognosticheskaya aktivnost' kak sposob sushchestvovaniya i razvitiya obraza mira [Prognostic activity as a way of existence and development of the image of the world]. In: Zhuravlev, A.L. & Sergienko, E.A. (eds) *Printsip razvitiya v sovremennoy psikhologii* [Principle of Development in Modern Psychology]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. pp. 215–234.
19. Sergienko, E.A. (2006) *Rannee kognitivnoe razvitiye. Novyy vzglyad* [Early cognitive development. A New Look]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
20. Brushlinsky, A.V. (1979) *Myshlenie i prognozirovaniye (logiko-psikhologicheskii analiz)* [Thinking and forecasting (a logical-psychological analysis)]. Moscow: Mysl'.
21. Zhuravlev, A.L. & Kharlamenkova, N.E. (2018) Dinamicheskii podkhod k issledovaniyu psikhiki cheloveka [Dynamic approach to the study of the human psyche]. In: Belkina, G.L. (ed.) *Institut cheloveka: ideya i real'nost'* [Human Institute: Idea and Reality]. Moscow: LENAND. pp. 280–290.
22. Nekhaev, A.V. (2009) *Mnenie kak poznavatel'naya forma: logiko-semioticheskii analiz* [Opinion as a cognitive form: a logical-semiotic analysis]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Tyumen'.
23. Markus, H. & Nurius, P. (1986) Possible selves. *American Psychologist*. 41(9). pp. 954–969. DOI: 10.1037/0003-066X.36.7.715
24. Erikson, M.G. (2007) The meaning of the future: Toward a more specific definition of possible selves. *Review of General Psychology*. 11(4). pp. 348–358. DOI: 10.1037/1089-2680.11.4.348
25. Leontiev, D.A. (2011) Novye orientiry ponimaniya lichnosti v psikhologii: ot neobkhodimogo k vozmozhnomu [New benchmarks of understanding of personality in psychology: from the necessary to the possible]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 3–27.

26. Voiskounsky, A.E. (2014) Social perception while social networking. *Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 2. pp. 90–104. (In Russian).
27. Voiskounsky, A.E., Evdokimenko, A.S. & Fedunina, N.Yu. (2013) Alternative identity in social network. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*. 1. pp. 66–83.
28. Brushlinsky, A.V. (2006) *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Psychological Works]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences.

Received 01.02.2019; Accepted 13.04.2019

Viktor V. Znakov – Senior Researcher, Institute of Psychology of RAS, D. Sc. (Psychol), Professor.

E-mail: znakov50@yandex.ru